

Александр Вельтман

**Приключения, почерпнутые
из моря житейского. Саломея**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В28

Вельтман А.
В28 Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея / Александр Вельтман – М.: Книга по Требованию, 2012. – 464 с.

ISBN 978-5-458-03876-8

«Море житейское» это в представлении художника окружающая его действительность, в которой собираются, как бесчисленные ручейки и потоки, берущие свое начало в разных социальных слоях общества, человеческие судьбы. «Саломея» знаменитый бестселлер, вершина творчества А. Ф. Вельтмана, талантливого и самобытного писателя, современника и друга А. С. Пушкина. В центре повествования судьба красавицы Саломеи, которая, узнав, что родители прочат ей в женихи богатого старика, решает сама найти себе мужа. Однако герой ее романа видит в ней лишь эгоистичную красавицу, разрушающую чужие судьбы ради своей прихоти. Промотав все деньги, полученные от героини, он бросает ее, пускаясь в авантурные приключения в поисках богатства. Но, несмотря на полную интриг жизнь, герой никак не может забыть покинутую им женщину. Он постоянно думает о ней, преследует ее, напоминает о себе. Любовь наказывает обоих ненавистью друг к другу. Однако любовь же спасает героев, помогает преодолеть все невзгоды, найти себя, обрести покой и счастье.

ISBN 978-5-458-03876-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Александр Вельтман
Приключения, почерпнутые из
моря житейского
Саломея

КНИГА ПЕРВАЯ

Часть первая

I

У одного папеньки и у одной маменьки было две дочки. Точка. Не об них дело. Читатель, может быть, встречал где-нибудь Дмитрицкого? Довольно статный мужчина, бледное лицо, зеленые глаза, весь в крестах и знаках отличия, служил и там и сям, был во всех войнах и походах, на суше и на море, во всех странах и землях, всех знает, со всеми знаком... Ничего не бывало! все это ложь! Раскроем наудачу какую-нибудь страницу из его жизни. Вот он едет в столицу искать счастья направо-налево — и все сердится.

— И тут тройка не везет! да ну, пошел! погоняй мужика-сипа!

— Мужик-сипа ест сыто, барин! — отвечал извозчик.

— Животное! и тот упрекает меня в недостатках! Пустяки, брат, у нас есть капитал.

И с этими словами Дмитрицкий отправил одну из своих рук в один из своих карманов, пошарил в нем, потом перенес в другой, в третий и, наконец, вытащив из недр бокового кошелька, потряс над ухом.

— Где ж он тут, собака?... а!

Вытряхнув на ладонь ключик, потом единственный червонец, он погладил его, как зверка, по шерсти.

— Ключ от прошедшего и будущего богатства; а это — вот он, настоящий червонный! один-одинехонек. Где ж, брат, твои товарищи?... ушли?... экие какие! Ничего! зато какой простор тебе на дне кошелька. Ты, душа моя, у меня заветный, на разживу; ты не какая-нибудь последняя копейка, которую дурак ставит ребром. Тебя я не выпущу из рук; ты — мой аттестат, мое золото, рычаг, движущая сила: без тебя и этого осла не поворишь с места. Эй! пошел! да ну же, погоняй!

— Да погоняю же, погоняю.

— Гони во всю ивановскую!

— Куда же еще гнать, барин! Погонишь, да заgonишь; не на один поезд с тобой куплены лошаденки; кормильцев-то других у меня нет!

— Гони, говорю! А не то видишь? смотри!

Мужик обернулся; Дмитрицкий показал ему кулак.

— Экая диковинка: у нас у самих таких пара, барин!

— Ступай, говорю, а не то я тебе дам!

— Что дашь, барин? мы сдачи сдадим.

— А вот что! — сказал Дмитрицкий, показывая червонец, — видел?

— Видел. Эх вы, соколики!

И мужик раскачнулся на облучке, приударил легонько по всем по трем; кони прибавили рыси.

— Ну, видел? Червонный, целиком, без сдачи.

— Эх вы, золотые мои! — прикрикнул извозчик, заматав головой и приподняв

пристяжных навскачь.

— Скажи пожалуйста! у него золотые кони! Верно, не все то золото, что блестит. Слышишь, червонный! Ну, во все лопатки, напропалую!

— Сперва поторгуй, барин, тройку-то; да на загон-то я еще и не продам.

— Скажи, пожалуйста! Да он лучше нашего брата знает цену золоту! У нас только то золото, что золото, будь оно чужое или свое; а у него все золото, что его. А хороша у тебя жена?

— Вестимо, что хороша.

— Молода?

— Да не стара.

— Золото?

— Золото-баба!

— Ну, а весело жить?

— Покуда весело.

— Золотые деньки выдаются?

— Слава богу!

— Ну, а барин каков?

— Барин — ничего.

— Золотой человек?

— Золотой, золотой, и сказать нечего.

— Ну, а приказчик каков?

— Приказчик? Приказчиком-то он пообмишулился,

— А что?

— Да так, ничего; про нас хороший человек.

— А не золото?

— Уж такое золото, что боже упаси!

— Вот тебе раз! Поди с ним! У него все золото; а я думал удивить его червонцем! Полежай, брат, со стыда в карман; посмотрим, как-то ты блеснешь в городе.

Дмитрицкий уложил червонец в кошелек, кошелек в карман; а извозчик, затаив обычную песню, поехал обычным шагом; иногда только покачивается на облучке, помотает головой и погладит кнутом пристяжных, чтоб натянули постромки.

Вот и город Москва заблестела на горизонте золотыми маковками; у заставы извозчик приостановился.

— Приехали, барин.

— Куда? — спросил Дмитрицкий, очнувшись от дремоты.

— Да к заставе.

— Неужели?... Ах ты, скверность!.. Ну, ступай, что ж ты стал?

— Пожалуйста подорожную, — сказал часовой.

— Какую подорожную? Ведь подорожную записали; сколько еще раз записывать?

— Когда записали?

— А генерал-то проехал.

— Какой генерал? Никакого генерала не проезжало.

— Вот тебе раз! Не может быть! Что ты это говоришь! Куда ж он девался? Я — его камердинер... отстал... бричка сломалась генеральская; я тороплюсь догнать его... Тут нечего разговаривать!.. Ступай!

— Нет, постой, я доложу дежурному.

— Я сам пойду к дежурному, — сказал Дмитрицкий, — посмотрю в книге; как это можно, чтоб генерал еще не проехал?

И Дмитрицкий, выскочив из повозки, пошел в караульную.

— Да я тебе говорю, что никакого генерала не проезжало! — твердил ефрейтор, следуя за ним.

— Позвольте, ваше благородие, взглянуть в книгу; вот, говорит, что не проезжал мой генерал, а я знаю, что проехал...

— Какой генерал? Как его зовут? — спросил писарь.

— Да вот, извольте посмотреть, вчера или сегодня, — продолжал Дмитрицкий, взяв книгу и просматривая фамилии проезжих. — Бричка сломалась, починили было, опять сломалась, принужден был нанять телегу, да такие лошаденки попались... л генералу что ж без меня делать... мундиры все со мной... я думаю, ждет не дождется... еще прибьет, что я замедлил.

— Да как фамилия твоего генерала? — спросил офицер.

— Ну, вот, вот; вот генерал от кавалерии... а тут говорят, что не проезжал. Я знаю, что проехал; вот, с будущим, а будущий-то я, его камердинер... Сделайте одолжение, ваше благородие, пожалуйста солдатика проводить меня к нему для удостоверения, что я действительно его камердинер.

— Это для чего?

— Меня не пропускают через заставу; а его превосходительство, верно, сказал на заставе, что я еду след за ним.

— Говорил генерал? — спросил офицер ефрейтора.

— А бог его знает; ведь не мы были, ваше благородие, в карауле; а при смене никто ничего не говорил.

— Так позвольте солдатика, ваше благородие; я же и не знаю, где генерал остановился.

— Можешь и сам отыскать; здесь караул не для рассылки.

— Нечего делать! прощайте, ваше благородие, — сказал Дмитрицкий, выходя. — Подавай тройку! — крикнул он извозчику.

Заставу подняли, Дмитрицкий сел в телегу и на вопрос извозчика: «Куда прикажете ехать?» — отвечал: «Ступай куда прямо!»

— Насилу отделался! — продолжал он про себя, — спасибо тузу: при тузе и валет много значит; поставил темную — и повезло.

Начав дело с конца, все-таки не уйдешь от начала; а потому мы должны хоть слегка просмотреть первые страницы жизни Дмитрицкого.

Вследствие уроков своего наставника эмигранта почтенный родитель его имел следующие правила: люди добрые — овцы, которых умные стригут; люди честные — ослы, которые за умных людей возят тяжести; а люди трудолюбивые — лошади, на которых умные люди верхом ездят. Матушка его не имела никаких правил и в подражание своему супругу думала, что женщина с правилами — дура, что любовь не что иное, как спиртуозное чувство, от которого пьянеют только дураки. Дмитрицкий в доме родительском был баловень; в какой-то гимназии или в бурсе — шалун и лентяй; на службе — разбитной малый, сорвиголова. Служил он или, лучше сказать, служил-не-служил в уланском полку корнетом. У него была совсем не служебная организация. Кивер набекрень, сабля при колене, темляк до земли, — он любил сначала побушевать; но истинное

призвание его было не в одну сторону, а *направо-налево*. С первой попытки он так ловко держал в горсти книгу судеб, называемую колодой, так ловко, по-юпитерски, метал, что вся собратия подрывающих банк восклицала: «Славно мечет! чудно мечет!»

Эти возгласы заложили навсегда банк в голове Дмитрицкого. Для него просто была мука, когда отрывали его *от дела*, не только службой, но и глупым обычаем закусывать, обедать, пить чай и ужинать.

Бросая с досадой карты, он всегда восклицал, вставая из-за стола: «Только и думают, что набивать пузо! точно голодные собаки бегут к корму! как будто нельзя тут же перекусить чего-нибудь!»

Счастье ли не везло Дмитрицкому, или бедовая страсть метать банк до тех пор, покуда он не лопнет, только Дмитрицкий постоянно был оборван. Он не сердился на то, что жалованье его всегда было проиграно вперед за треть; не горевал и о том, что в гардеробе его оставался только старенький мундир с мишурными принадлежностями, годный только для манежа; но он сердился, что явный недостаток в деньгах прекращал игру и ему ничего не оставалось делать, кроме как сказываться больным и, завернувшись в шинель, лежать враспяжку на одре тоски. Сидеть бездельником подле стола, смотреть, как играют другие, и спокойно покуривать трубочку — на это Дмитрицкий был не способен. Когда он начинал жаловаться на голову, то это значило, что у него на квартире чистота и опрятность. На деревянном диване разостлан старый вальтрап;¹ в головах кожаная подушка, вылощенная головой; у стенки еловый столик; на окне продутая трубка, а подле нее в жестяной сахарнице табачные окурки, как воспоминание счастливых дней изобилия в табаке. Тут уже нет ни чемодана, ни разбросанного платья, ни рассыпанного повсюду вахштафу,² ни дыму, в котором можно коптить окорока, ни кухенрейтерских пистолетов, ни солингенских сабель, ни лазарининского ружья, ни охотничьей собаки. Тут только Дмитрицкии, расслабленный душой и телом, наполняет собою пустоту; то положит руки под голову, глаза в потолок; то вскочит, набьет табачных окурков в трубку, затынется, плюнет и снова ляжет. И в самом деле, возможно ли Дмитрицкому показываться на белый свет в полном здоровье и тишине души: что стал бы он отвечать на вопрос: «Что ж, брат, банчику?» Не отвечать же: «Что, брат, денег нет!» Да это такой стыд, что ужас. После этого никуда глаз не показывай, чтоб не опросили с сердечным участием: «Что, брат, денег нет? что ж, брат, дудки есть».

К получению жалованья Дмитрицкий выздоравливал; но однажды, во время болезни своей, он надумался и решил, что глупое счастье надо заменить чем-нибудь умным. И вот все время болезни он стал посвящать на изучение волшебной науки, по части превращения *листов*. Эксперименты постоянного совершенствования в науке он производил над помещиками, и, по пословице: «бей сорок, бей ворон, добьешься и до белого лебедя», он зашиб однажды изрядный куш у одного юного агронома. Деньги развивают фантазию и в прохладных душах, с ними непременно хочется летать. Ремонтерство — пресоблазнительное поручение для кавалериста:³ подорожная на все четыре стороны, пики — в Бердичев. Отправился и наш герой в Бердичев. Счастлив. Там-то в Бердичеве, тьма казначеев, тьма ремонтеров, тьма понтеров, тьма Эстерок или Эсфирей, Лий, Рахилей, которых называю! Рохли мм, жидок евреев — иудеев — факторов, контрабандистов и талмудистов, панов, панн и паненок, шляхтянок и гардеробянок. Чудо!

Корчмы, бильярды, карты, коханки, мазурки, панские реньчки⁴ и ножки, сто тысенц дьяблов и цо еще? — больше ничего не нужно, всё есть. Дмитрицкии прибыл благополучно; по обычаю, остановился в корчме, потому что где живет израиль, там нет домов, а есть корчмы: это ряды длинных заездных мазанок с крытыми дворами напролет из грязной улицы в воночий переулок. Переднюю часть корчмы составляет комната для приезда вельможных панов. Здесь можно присесть на стул, прилечь на канапе, посмотретья в зеркало, выглянуть на улицу, раскинуть ломберный стол, побеседовать с какой-нибудь Рифкой, угодливой хозяйкой в жемчужных мушках, или с Пейсой, ее сестрой, или дочерью, с распущенными кудрями до плеч. И Рифка и Пейса смотрят в глаза и неугомонно допрашивают, не потребно ли чего-нибудь пану: «А может быть, пан покушает чего-нибудь? а может быть, пан чай будет пить?... пан с ромом пьет?... а может быть, пан желает что купить?» Только что пан заикнулся, Пейса уже исчезла, прокричала в нос на дворе: «Хаймэ, Хаймэ!» — и еще что-то по-своему, и жидок Хайм бежит в ряды. Глядь, из какой-нибудь лавки крадется Хайм, а за Хаймом из всех лавок бегут Хаймы, Мошки, Иоски, Абрамки и Шлёмки с узлами. Хайм в двери, и все за ним. Напрасно и Рифка и Пейса застновили двери, хотят припереть на крюк: жида ломят, проталкиваются, кладут на пол свои узлы, торопятся развязывать, и каждый, бранясь по-жидовски со всеми прочими и оуждая чужие товары, расхваливает свои и сует их в руки панские.

Этой картины, не только живой, но и писаной, не найдешь даже и в Москве, где некогда, по татарскому обычаю, купцы держали при себе таких сидельцев, которые тянули покупщиков к лавке за ворот.

Но мы еще не кончили описания корчмы. Рядом с приемной меблированной комнатой *лежит* небольшая *штуба* хозяйская; здесь две кровати, подле окна стол, в углу печка, подле печки лавка, в другом углу шкаф с посудною, по стенам полки с горшками и плошками. Под заскорузлыми перинами ложе Рифки и Пейсы с братьями и сестрами; на печке ложе старой жидовки, а на лавке *наймочки*.

Все остальное протяжение корчмы, от улицы до переулка, разделяется на отделения для заезжих — вход прямо со двора; каждое отделение разделено надвое печкой, которая таким образом и составляет стену, или перегородку, очень удобную для топки камышом и бурьяном. Втащат несколько связок длинного камышу, разложат в грубе огонек,⁵ воткнут один конец связки, камыш вспыхнет, затрещит, и по мере того, как огонь пожирает, камыш вдвигается в печь. Проглотив связок десять камышу, груба раскалится как нельзя лучше, и вы до самого вечера имеете полное право жаловаться на нестерпимый жар, духоту и в случае слабой головы на угар; а ввечеру можете снова топить или почивать в прохладной комнате.

На дворе корчмы постоянное месиво грязи; это в одно и то же время и конюшня, и сарай, и хлев, и курятник, и помойная яма.

Город — не столица обширного размера, и потому экипажи — лишняя вещь; можно, не уставая, ходить из конца в конец пешком; по сторонам улиц грязь не так глубока, и всегда есть, вместо тротуара, пробитая тропинка; но если вы — смелый кавалерист, то можете оседлать какого-нибудь жида и переехать на нем чрез топь. Впрочем, в каждой корчме можно нанять пару кляч в бричке с дышлом, и какой-нибудь Шлёмка довезет вас и на бал и с балу.

Жидовское местечко — удивительная вещь: это шайка, но не разбойников и не воров. В этом случае каждый жид честен как черт: как черт не убьет, не украдет, но как черт — обманет, проведет, надует, обморочит, соблазнит, раззадорит, и вы почувствуете какую-то тяжесть в кармане и выбросите из него все деньги жиду за дрянь, как черту душу за земные наслаждения.

Кто не жывал посреди израиля, тот не понимает достоинства картин *жидовской школы*.

Вот на лавочке у ворот одной корчмы сидит офицер, в шинели и фуражке; что-то очень смутен; облокотясь на колени, он запустил руки в густые кудри и, как будто насильно похилив голову книзу, заставил ее устремить глаза в землю. Сидит и молчит, не смотрит даже на Пейсу, которая, накинув капотик на одно плечо, стоит подле.

— Вы сердитые такие, не хотите говорить, — сказала она ему с участием.

Офицер молчит.

— Знаю я: пан Жельньски обыграл вас; сказала я, что не играйте с паном.

— Да поди прочь, пожалуйста!

— Зачем пойду прочь? я хочу здесь стоять.

— Ну, стой, да молчи.

— Я только жалею вас, больше ничего; а вы сердитесь.

— Ах ты, Песька! ну, поди сюда!

— Как это можно!

— Ну, поди прочь!

— Где тут квартирная комиссия? — крикнул улан, подъезжая к соседней корчме.

— Улан! какого полка? — спросил офицер.

— Татарского уланского, ваше благородие, ремонтной команды.

— Кто офицер?

— Поручик Дмитрицкий; вот не допрошусь, где квартирная комиссия: заготовить надо квартиру его благородию.

— Пустяки, брат; здесь и в месяц не добьешься порядочной квартиры; а твой офицер, верно, не остановится в мурье.

— Как можно, ваше благородие; он приказал, если не отведут хорошей квартиры, так нанять.

— Так нечего и хлопотать, вот здесь есть квартира, лучше и не найдешь.

— Поди посмотри, прекрасная, меблированная, с зеркалами комната, — сказала Пейса.

— Да уж, верно, понравится его благородию, — сказал улан, посматривая на Пейсу, — так я поеду, буду ждать его у заставы.

— Веди прямо сюда; да постой, служивый, ты посмотри, ты увидишь, какая прекрасная квартира, мы за постой дешево берем.

— Ну, посмотрю, — сказал улан, въезжая на двор и слезая с коня.

— Видишь, какая квартира для твоего офицера?

— Славная, славная!

— На-ко, выпей с дороги.

— И квартира славная и хозяйка славная!.. а уж мой офицер такой, что и квартиру ему подай славную и хозяйку славную... ох, да и водка какая славная!.. спасибо!

— Если понравилась, так выпей еще... Смотри же, прямо к нам веди, не слушай других...

— Небойсь; да закусить, брат жидовочка, дай чем-нибудь.

— Сейчас, сейчас; вот два бублика.

— Довольно одного. Так прощайте же покуда.

— Офицер твой любит играть, может быть, в карты, так мы ломберный стол поставим, — сказала Пейса.

— И играет, и гуляет, — отвечал улан, моргнув глазом.

— Женатый или нет?

— Какой женатый!

— А богатый?

— Да сорит деньгой; куда их беречь: и поигрывает, и вашу братью задаривает... щедрый, нечего сказать! Ну, поеду навстречу.

— Прямо сюда, да не ошибись. Я pošлю фактора на заставу... Хаймэ! гэ!

Пейса что-то пробормотала, и Хаймэ побежал за уланом.

— Хвалит своего офицера, — сказала Пейса, выходя за ворота, — в карты играет...

— Э?

— И богат; вот и играйте с ним.

— Э?

— Да; со своим братом офицером лучше вам играть; а эти паны в париках — шулера.

— Э?

— Да, я вам говорила.

— Э? Сидоров, дай трубку.

— Трубку-то я подам, сударь, да пустую.

— Табаку нешто нет? Поди возьми у Соломона фунт.

— Поди возьми! — бормотал косолапый кавалерист-денщик про себя, отправляясь в лавку, — пожалуй возьму; мне что! я поди возьми, так сам не будет отвечать... Эй, давай фунт табака барину.

— Фуунт?

— Да, фунт! сказано фунт, так фунт. — У тебя карбованный али сто?

— Да, сто! как бы не так!

— Давай деньги.

— Поди у барина возьми, он тебе даст.

— Даааст? а у барина деньги есть?

— А у кого ж и быть деньгам, как не у господ? Ну, давай же или сам неси; барин велел фунт табаку принести; ну и ступай.

— Велел?

— Говорят, велел; ступай, он, чай, расплатится с тобой.

— Расплатится?

— Стало быть, расплатится, когда велел целый фунт приносить.

— Пойдем, пойдем.

— Пойдем.

Между тем офицер, не дождавшись табаку, отправился по соседству, корчем через пять, к пану Жельнскому.

Пан Жельнский был знатный игрок, старый пес в рыжем парике, с преотвраще-

тительной наружностью. Все знали его ремесло, говорили ему в глаза: «Ты, пан, шулер! с тобой нельзя играть!» Он на это издавал звук: «хэ, хэ, хэ, хэ?», садился за стол, высыпал горсть червонцев, разламывал звучно обертку колоды, раскидывал ее, как веер, и, пропустив с треском карту в карту, клал тихо на стол и произносил: «Не угодно ли?» На это магическое слово ничего нельзя было отвечать, кроме: «Угодно!»

— Пан, реванж за тобой, — сказал офицер, входя в квартиру пана, который играл в это время на скрипке вариации Плейеля.⁶ — Отыгрываться я не хочу; а будем играть пополам.

Жельинский, положив скрипку, посмотрел вопросительно на офицера.

— Ну, пан, хочешь вместе, идешь на половину?

Жельинский отдул губы и сделал знак, что он не понимает этих слов.

— Послушай, пан, ты со мной не церемонься; ты меня обдул, а я тебя отдую, мне все равно; я проиграл тебе ремонтные деньги! Ты должен меня вывести из беды.

— На чужие деньги не должно было играть.

— Знаю я сам это; да ведь ты, бес, попутал меня; так и распутывай.

— Но... с кем же играть?...

— С кем?... Э-гэ! колокольчик!..

И самом деле колокольчик звякнул, на улице хлопанье бича ближе и ближе.

Жельинский и офицер бросились к окну.

Дмитрицкий катил в роскошной коляске, прислонясь к боку; белая фуражка, по обычаю, набекрень.

— Какая прекрасная венская коляска! Кто это такой?

— Вот выигрывай, пан, эту коляску.

— Хэ, хэ, хэ! не худо бы. Здесь, подле, остановился; надо бы узнать, кто такой.

Яне! гей, Яне!

— Не беспокойся, это мой сосед. Хочешь с ним познакомиться?

— Почему ж не так, всякое новое *замечательное* лицо составляет особенно приятное знакомство.

— Так приходи же ко мне через полчаса, слышишь?

Жельинский кивнул головой в знак утверждения, а офицер отправился к себе.

Дмитрицкий был уже встречен Пейсою и охорашивался в зеркале.

— Какая ты миленькая евреечка! а?

— Нравлюсь я вам?

— Да как же? чудо что за глазки! а?

— Вам, может быть, чаю угодно? у нас самый лучший чай.

— Чаю, чаю! о, какая хорошенькая! тебя как зовут?

— Пейса.

— Пейса!

— Позвольте, я сейчас принесу чай; как прикажете: с самоваром подать или просто?

— Как хочешь.

И Пейса вышла торопливо в свою комнату собирать чай.

— Чудо жидовочка! — повторил Дмитрицкий, расхаживая по комнате и крутя усы, — а городишко, кажется, не лучше Могилева... а я думал черт знает что!..